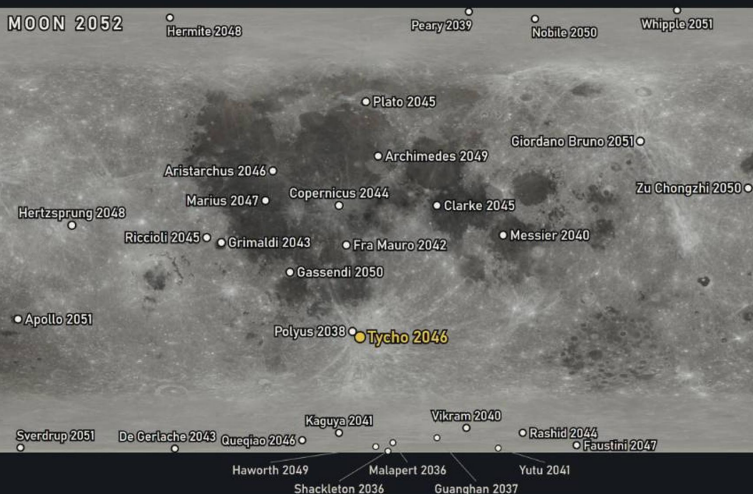

НЕСТОР КСЕНОФОНТОВ

MOON 2052

ТИХО

Нестор Ксенофонов

Тихо

<https://litres.ru/74635472>

SelfPub; 2026

Аннотация

2052 год. На Луне тридцать три станции, и у каждой свой хозяин.

На станции Тихо сорок человек и один контур регенерации. Он отказывает: воздуха на десять суток, борт с Земли придёт через четырнадцать.

Кто придёт им на помощь? Что важнее: жизни людей или правила?

Содержание

Пролог	4
1	8
2	12
3	18
4	23
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Нестор Ксенофонов

Тихо

Пролог

В январе сорок седьмого Илай Сноу сверял имя, которое двести лет назад вписал в приходскую книгу человек с плохим пером. Книга пришла из Уэльса копией, и в ней на одной странице стояло «Эванс», а через три строки тем же почерком «Эвенс», и по датам это был один человек. Сноу положил рядом лупу и карточку и вписал оба имени, одно под другим.

Хранилище Дома Горы уходило в гранит почти на двести метров: шесть залов за стальными дверями, ряды шкафов до потолка, круглый год тринадцать градусов и сухой воздух, от которого трескалась кожа на пальцах. Снаружи над каньоном лежал снег. Здесь не было ни зимы, ни лета, и Сноу двадцать лет любил его за это.

Старейшина Кимбалл сел на второй стул и подождал, пока он допишет.

— Тебя призвали, Илай. На Луну, вести копию архива.

Сноу положил ручку.

— Я переписчик.

— Знаю.

— На Луне нечего переписывать. Там два десятка баз, и там никто не умирает.

— Пока никто.

Кимбалл встал и пошёл вдоль рядов, и Сноу пошёл за ним: сидеть, когда старейшина стоит, в этом доме было не принято. Ящики в шкафах стояли по годам, и годы шли от двери вглубь горы. У двадцатых Кимбалл остановился и положил ладонь на ящик.

— С этих лет к нам стали носить личные архивы. Люди перестали верить тому, что видели в сети, и несли то, в чём были уверены. Мы принимали и не спрашивали зачем.

Дальше ящиков было больше, и Сноу знал, что в них: он сам это переписывал. С тридцатых люди несли сюда свои больничные бумаги — что им ставили на висок, чем лечили во сне. С сороковых несли договоры, по которым продали свою модель, и справки, где врач подписывал, что воспоминание вложено в лечебных целях. Несли, чтобы через десять лет было с чем сверить.

Кимбалл вынул из кармана серую пластину размером с ладонь и положил ему в руку. Пластина была холодная и тяжелее, чем казалась.

— Из Турина. Пустая.

— Я видел такие.

— Мысли теперь читают, Илай. И правят. Лечат во сне от психических расстройств, правят по приговору тех, кого не смогли воспитать, и вкладывают рекламу. Если человек хо-

чет понимать, какие мысли его, а какие вложенные, ему нужна эта пластина. На таких хранят слепок сознания. Изменить или скопировать его нельзя. Поэтому их держат в Боббио, под холмом.

— Это Боббио. Мы копируем.

— Мы копируем то, что можно скопировать. Свои записи, на кварц. — Кимбалл забрал пластину и убрал в карман. — Если здесь кто-нибудь тронет хранилище — войной, решением или правкой тех, кто держит ключи, — должно остаться место, куда не дотянутся.

— Почему Луна?

— Потому что туда трое суток, и никто не летит туда за бумагой. Штольню пробьют у советской базы. Тамошний грунт лучше всех крепят их проходчики. И закон у них такой: в чужую голову без согласия не заглядывают.

— Пока не заглядывают.

— Согласен.

— Жить будешь при их базе и по их порядку: полгода там, полгода дома. На эти полгода тебя сменят.

Они вернулись к столу. Карточка с двумя Эвансами лежала под лупой.

— Ты не калиброван, — сказал Кимбалл. — У тебя нет семьи. И ты двадцать лет переспрашиваешь каждую букву.

— Это не довод.

— Нет.

Он не сел. Сноу ждал, что он скажет что-нибудь о дол-

ге, о назначениях дома, о том, что призывают не спрашивая. Кимбалл смотрел на карточку.

— Если там кто-нибудь умрёт, кто запишет имя? Заверить на Луне некому. Консорциум ведёт списки, ты знаешь как.

Сноу знал. Он переписывал списки погибших на стройках, на буровых, в шахтах, и в каждом третьем кого-нибудь не хватало, а у кого-нибудь стояла чужая фамилия. Он долго молчал. Потом спросил, сколько брать бланков.

— На десять лет, — сказал Кимбалл.

Бланки он укладывал сам, по счёту, в ящик с войлочной прокладкой: пачками по сто, каждая перевязана бечёвкой. Сверху легли жировые карандаши, лупа, одна смена белья и лампа. Лампу он проверил дважды, потому что не знал, будет ли там кому её чинить. Карточку с двумя Эвансами он оставил на столе, чтобы её закончил другой. У двери вернулся, взял её и положил в нагрудный карман.

1

В январе в Роттердаме Ян Херманс третий день считал лунную загрузку. Ему было сорок два; он был длинный, с ранней сединой у висков и с лицом, которое в управлении узнавали не сразу, хотя он работал здесь одиннадцать лет.

Он услышал баржу. Он сидел спиной к окну и знал этот звук: баржа проходила каждый день в десять и в четыре. Он развернулся на стуле. На улице шёл дождь, третий месяц, и до марта будет идти, в Роттердаме так всегда. Окно отдела выходило на канал. Вода в нём стояла чёрная, с масляной плёнкой у стенки, и по ней шла баржа с песком; за каналом — кирпичные склады с заложенными окнами и над ними серое небо.

Ян встал, размял шею и вышел на середину комнаты. Отдел графиков состоял из шести человек и занимал самую большую комнату на этаже. На стене висела таблица окон: Марс — август, потом через двадцать шесть месяцев, потом ещё через двадцать шесть; Луна — сплошная полоса, потому что к Луне окно всегда.

— Потому нас за Луну и не благодарят, — сказал Виллем из-за соседнего стола, проследив его взгляд. — Спасибо говорят за Марс.

— Нас и за Марс не благодарят. Нас замечают, когда не привезли.

Проект корректировки пришёл к нему во вторник. Смысл был простой: марсианское окно в августе, под него с весны поднимают на орбиту всё тяжёлое для Эллады — контуры, мембраны, крепь под второй купол, — а лунную кампанию двигают. Все базы сразу, девять недель. Формулировка в преамбуле: перенос по загрузке с сохранением обязательств по снабжению. Ян читал не преамбулу, а приложение — таблицу с тридцатью тремя строками. У каждой базы стояли численность, расчётный резерв и дата последнего пополнения. Он взял свою старую сетку, ту, которую держал в личных файлах и по которой его никто не просил считать, и загнал в неё тридцать три строки.

Семнадцать баз уходили в минус на второй-третьей неделе задержки и оттуда возвращались за счёт соседей: у них было по два-три партнёра ближе сотни километров. Тринадцать держались сами. Три висели на одном соседе. У Тихо сосед был советский, «Полюс», сорок километров, и сетка засчитывала его как покрытие, потому что сетка не спрашивала, чьё это покрытие и на сколько человек оно рассчитано. Ян спросил. При отказе регенерации, а контур её на такой станции один, счёт на Тихо переставал идти в неделях, и сорок километров этого не меняли.

Он написал записку на полторы страницы, послал и утром зашёл сам: отправленное ложится в очередь, а человек в дверях — нет.

Ренар читал стоя. Ему было под шестьдесят: жёсткий се-

дой ёжик, галстук затянут туго; очки он держал в руке, надевал только для чтения и часто пользовался ими как указкой. Он двадцать лет водил графики и умел читать чужие расчёты быстрее, чем их писали.

— На чём считали резерв? — спросил он. — На паспортном ресурсе или на фактическом?

— На паспортном.

— Значит, на бумаге. Фактический никто не мерил. Знаете почему? Потому что мерить его должен аудитор, аудитора надо оплатить, а строка «партнёры» у всех тридцати трёх стоит ноль, и никого это не смущает девять лет, с первой публикации. Вы принесли мне расчёт по цифрам, которые сами считаете ненадёжными.

— Других нет.

— Других нет, — согласился Ренар. — Поэтому я вас и слушаю.

Он сел, перечитал вторую страницу и спросил, сколько недель Ян считает безопасными. Ян сказал: пять, если контуры держат, и что он не может отвечать за то, держат ли они.

— За это никто не отвечает, — сказал Ренар. — Хорошо.

Через три дня проект вернулся утверждённым, на бумаге: всё, что имело подпись, лежало и на бумаге, потому что её не правят из сети. Наискось, поперёк первой страницы, рукой Ренара стояло: *срок задержки сокращён с девяти недель до пяти с учётом возражения Херманса*. Ян прочитал это дважды. Первый раз — ради четырёх недель. Второй — ради

своей фамилии в чужом почерке. Он подшил записку, убрал папку на полку и к обеду о ней забыл. Обедал он внизу, в столовой для служащих, и ходил туда к одиннадцати, потому что в двенадцать выстраивалась очередь, а в половине первого кончался суп.

2

В марте, в шесть утра по бортовому времени, Матиас Кёлер обходил контуры, и это было лучшее время суток: люди ещё спали, приборы вращались меньше. Снаружи станции не было видно: три горба реголита — толчёного ударами камня, лежащего на Луне слоем в несколько метров, — посреди серой равнины в мелкой ряби и длинная тень от мачты, вытянутая на восток, к валу кратера — ровному, как насыпь, в четыре километра высотой, — над которым невысоко и всегда на одном месте висела Земля, в три четверти, голубая, с белым завитком над Атлантикой. Напротив, над западным валом, так же низко висело солнце: лунный день шёл к концу. Матиас мельком взглянул на экраны внешних камер и пошёл дальше. Он шестой год отвечал здесь за воздух, которым сейчас дышали сорок человек.

Первый контур он прошёл за двенадцать минут. Углекислота по куполам держалась ровно: четыре и две сотых, четыре и одна, три и девять в жилом, где ещё спали. Влажность в норме. Он записал цифры в журнал рукой, потому что панель вращалась раз в полгода, а журнал не вращался никогда, и только потом продублировал в панель. Там же, в конце обхода, он опрашивал жилу — кабель, уложенный в реголит поперёк станции: тот слушал грунт по всей длине и умел сказать, что над куполом пошла осадка. За шесть лет жила говорила это

дважды и дважды ошиблась.

Второй контур был типовой, такой же, как на всех лунных базах: вентилятор гнал воздух станции через кассеты, кассеты вбирали углекислоту, раз в час их прогревали и сбрасывали её наружу, в вакуум, — и так без конца, пока крутится вентилятор. Отличался этот от остальных одним: он шумел. Шумел с осени — не гудел, не стучал, а именно шумел, на четверть тона выше, чем должен, и Матиас слышал это через переборку, не входя.

Он вошёл, снял показания и записал те же цифры, что стояли в журнале третий месяц: производительность девяносто один процент от паспортной, потребление на семь процентов выше расчётного, вентилятор с выработкой. Комплект на замену стоял третьей строкой в мартовском грузе, который с января числился апрельским. Он писал заявку трижды, и трижды ему отвечали, что комплект в грузе.

В семь пришёл механик Барбоза — широкий, тяжёлый, с бородой, подстриженной коротко, чтобы влезала в шлем, и с руками в белых точках старых ожогов, — злой со сна.

— Паршиво выглядишь, Барбоза, — сказал Матиас.

— Я тоже рад тебя видеть.

— Я только что со второго контура. Фильтр грубой очистки надо менять.

— Ты вообще в курсе, что нам рейс задержали? — ядовито заметил Барбоза. — Если будем менять каждый раз, как тебе захочется, шести оставшихся может и не хватить. По-

чистим, помоем и поставим обратно старый.

— Нет. Есть регламент, его и будем придерживаться, — не согласился Матиас.

— Расскажи про регламент своим друзьям в Роттердаме, — огрызнулся Барбоза.

Матиас вяло попытался возразить, но под напором Барбозы сдался. Фильтр они промыли вдвоём и поставили обратно.

В восемь Матиас сидел в столовой над квартальной сводкой, которую надо было подписать и отправить вниз. Сводка была на две страницы и состояла из цифр, которые он же и давал: расход по контурам, запасы, потери, замкнутость по воде — восемьдесят один процент, по воздуху — семьдесят четыре. В самом низу, отдельной строкой, шло то, что писал реестр:

Партнёры по методике: 0.

Строка стояла в сводке двадцать три квартала. Ноль стоял у всех тридцати трёх лунных баз. Это значило, что никто ни разу не считал, сколько на самом деле проживёт станция, если снабжение прекратится: до Земли трое суток, в любое время года, при любом положении планет. Льда тут не было: до полярных пятен тысяча четыреста километров, и воду, как и всё остальное, возили снизу. Он подписал и отправил.

За соседним столом доктор Айно — маленькая, с седой косой, заколотой на затылке ручкой, потому что заколки она теряла, — спорила с ним через плечо, не оборачиваясь, о

норме кислорода на человека. Норма стояла в регламенте с прошлого века и была рассчитана на мужчину восьмидесяти килограммов при умеренной нагрузке; Айно говорила, что на станции восемнадцать женщин и четверо мужчин весом за сто, и что норма врёт в обе стороны сразу. Матиас отвечал, что по норме все базы считают одним числом, а если каждую мерить по её людям, сравнивать будет нечего.

— У тебя все медосмотры на панели, — сказала Айно. — Возьми и посчитай по людям, хотя бы раз.

— Мне не надо считать, я их знаю. Ты в прошлом квартале дала мне двадцать девять сатураций — кислород в крови под нагрузкой — и четырнадцать проб на выносливость. Я помню всё.

Это было правдой, и от этого она злилась ещё больше.

В девять сорок на графике стояла посадка грузового борта — та, что была назначена до январской корректировки. Перенос пришёл ещё в январе: пять недель, общая корректировка загрузки, причина — подготовка марсианского окна, август. Сегодня борт просто не сел, и Матиас, проходя мимо графика, поставил на дате галочку и пошёл к дозаторам. Переносы приходили и раньше, и не по одному разу за контракт. Луна двигалась в графике всегда: Марс держится за окно, окно открывается раз в двадцать шесть месяцев и не сдвигается ни на день, а Луна близко, Луна подождёт. За шесть лет Матиас видел пять переносов и каждый переводил в недели запаса. Пять недель при резерве в шесть. Хватает.

В день несостоявшегося борта разговоры на станции шли обычные. Барбоза сказал, что если бы у них был свой прыжковый борт, как у соседей на «Мессье», они бы слетали и забрали груз сами. Айно ответила, что борт у «Мессье» один на весь регион, топливо к нему возят отдельно, а летал он в прошлом году один раз, за больным. Рикс сказал: трое суток до Земли. Ней сказал: вот именно.

Ханна Фогель пришла в столовую в половине первого, взяла поднос и села за общий стол, между Барбозой и Риксом. На Тихо она прилетела шесть лет назад и на третий год стала начальником станции.

— Как рука, Рикс? — спросила она, повернувшись к нему вполоборота.

— Нормально. Заживает как на собаке.

— Это хорошо. — Ханна кивнула и сказала тише, Риксу одному: — Я всё-таки считаю, что про второй контракт ты должен сказать жене.

Барбоза хмыкнул. Вчера Ханна точно так же посоветовала ему первым написать сыну, с которым они поругались и третий месяц не переписывались. Матиас посмотрел на неё. Она была невысокая и седая; поседела, по её словам, в двадцать восемь, за один год, и не объясняла, за какой. Казалось, она знает всё, что происходит на станции, и всё, что у каждого дома.

— Сегодня он должен был сесть, — сказала она Матиасу, поймав его взгляд. — Что у нас по второму контуру?

— Девяносто один процент. Комплект в грузе.

— Дотянет?

— При девяноста одном дотянет. — Он подумал и добавил: — Если сядет ниже восьмидесяти, может не дотянуть.

Ханна кивнула и больше об этом не говорила. Она доела, отнесла поднос и по дороге к выходу задержалась у Айно на две секунды — ровно настолько, чтобы спросить про её напарницу, с которой Айно не разговаривала с января.

На двадцать первые сутки задержки второй контур сменил тон. Матиас слышал это из коридора, в пять пятьдесят, ещё до обхода: не на четверть выше — на полтона ниже, с провалом на каждом обороте.

Он вошёл. Контур стоял в своём отсеке — серый барабан в рост человека под кожухом, с одним круглым стеклом, за которым видно было вентилятор; сейчас он шёл с провалом, заметным глазу, как будто на каждом обороте его придерживали пальцем. Производительность шестьдесят три процента. Потребление на треть выше расчётного. Вибрация по подшипниковому узлу — в жёлтой зоне, и стрелка плавала. Он записал в журнал, продублировал в панель и позвонил Барбозе, не дожидаясь семи.

Барбоза пришёл в шесть десять, без ругани и в рабочих очках, сдвинутых на лоб: в них на стекло ложилась разметка, и носили такие на станции двое, он и электрик. Снял кожух, посветил, приложил ладонь к корпусу и сказал, что подшипник доживает последние часы, гнездо под ним разбито, вал в нём болтается, и держит его один кожух. Запасных подшипников этого типоразмера на станции не было: оба лежали в комплекте, третьей строкой апрельского груза. Он предложил снять подшипник с резервной помпы водяного контура — на размер меньше, поставить через втулку, выточить

втулку самому. Матиас сказал: делай.

Сначала Барбоза напечатал втулку на станционном принтере, но пластик поплыл от первого же нагрева, и из металла он точил её около часа. Поставили в восемь тридцать, запустили. Вентилятор пошёл ровнее, и десять минут производительность держалась на семидесяти. Потом втулка нагрелась, посадка ушла, и стрелка вибрации ушла в красное. В девять пятьдесят восемь они остановили контур сами, не дожидаясь автоматики, чтобы вентилятор не разнёс корпус, потому что корпус был один.

В десять ноль четыре второго контура на станции не стало.

Считал он у себя, за столом, на панели. Второй вентилятор не крутился, и кассеты за ним стояли полные и бесполезные. Первый контур углекислоты не снимал: он гнал воздух и держал влажность, снимал второй. А второй встал. Сорок человек дышали на запасе патронов поглотителя — банок с гидроксидом лития, каждая вбирает углекислоту одного человека за сутки и потом идёт в отход, химия, один раз, — и кислорода в баллонах. Матиас считал кислород и патроны, и патроны кончались раньше. Патронов на складе стояло, по описи, четыреста. Каждый — сутки на одного человека при норме из регламента. Четыреста человеко-суток. На сорок человек — десять суток.

До грузового борта — четырнадцать.

Он пересчитал через фактические цифры Айно, потому что она была права насчёт нормы: восемнадцать женщин,

четверо тяжёлых мужчин, двадцать девять сатураций, четырнадцать проб на выносливость, вес каждого по последнему медосмотру. Норма врала в обе стороны, и ошибки сошлись: десять суток и несколько часов. Он записал десять.

Он погасил панель с расчётом и пошёл по станции: снял показания первого контура, поменял фильтр — на этот раз новый, — проверил дозаторы. На складе он задержался перед стеллажами с патронами и не считал их, потому что опись была верна. Мимо шлюза он прошёл не глядя: там висели двадцать четыре скафандра, по числу тех, кто ходит наружу, и он знал каждый по номеру.

Ханна Фогель сидела у себя. Кабинет начальника станции был размером с кладовую: стол, две табуретки, панель на стене. Дверь она держала открытой. Матиас перебросил расчёт на её панель и сел на вторую табуретку. Она читала долго. Дочитала, вернулась к началу, дочитала снова.

— Четыреста — это по описи?

— По описи.

— Пусть Барбоза пересчитает руками. Каждый ящик.

Барбоза считал патроны сорок минут, снимая каждый ящик и ставя обратно. Четыреста. Он назвал число с порога и остался стоять в дверях, потому что третьей табуретки не было.

Ханна смотрела на расчёт и некоторое время молчала. Матиас видел, куда она смотрит: мимо него, в коридор, где к обеду шли люди. Прошёл Рикс, придерживая правую руку.

Прошли две монтажницы, о чём-то споря. Прошла Айно и заглянула, увидела три лица и не спросила ничего.

— Что делать с людьми, я скажу сама, — сказала Ханна.
— В час, в столовой. До этого никому.

Она развернула панель к себе и открыла канал на Землю. Сообщение она диктовала молча, с неподвижным лицом, и строки ложились на экран медленно, потому что она подбирала слова; Матиас читал их, потому что сидел рядом. В отсеке был слышен один вентилятор.

Станция Тихо. На двадцать первые сутки задержки рейса — отказ второго контура, регенерации углекислоты, невозстановимый собственными средствами. При работе первого контура, вентиляции, расчётный запас жизнеобеспечения на сорок человек — десять суток. До назначенной даты рейса — четырнадцать. Прошу внеочередной рейс либо перенос назначенного на срок не позднее восьми суток от сегодняшнего. Расчёт прилагаю. Фогель.

Она приложила расчёт Матиаса, отправила и закрыла панель.

— Часа три, пока дойдёт до того, кто может ответить, — сказала она. — Иди поешь.

В час она встала в столовой у раздачи, не за столом, и сказала, что отказал второй контур, что запаса при первом контуре десять суток, что борт назначен через четырнадцать и что запрос на Землю ушёл в половине первого. Потом сказала, что норму по воздуху она снижать не будет, потому что

от снижения нормы люди не перестают дышать, а перестают работать, и назвала четыре занятия, которые с сегодняшнего дня прекращаются: наружный монтаж, буровая, теплица в третьем куполе, тренажёрный отсек. Айно сказала от своего стола, не вставая: лежащий выдыхает углекислоты почти на треть меньше, чем тот, кто ходит; уложи всех — и десять суток станут четырнадцатью. Ханна ответила, не дав ей договорить, что не уложит сорок человек ждать, и Айно не стала повторять. Если бы Ханна сказала «ложитесь», легли бы все сорок: Матиас это знал. Вопросов не было.

Запрос с Тихо пришёл в Роттердам ночью. Дежурный передал его в службу эксплуатации, а оттуда утром его переслали в отдел графиков — к Яну, потому что его фамилия стояла на январской корректировке и в системе он числился человеком, который эту загрузку считал. Он прочитал в восемьдесят. Расчёт был приложен, и он его проверил, прежде чем читать текст второй раз: сорок человек, второй контур мёртв, четыреста патронов. Десять суток. Он получил десять суток и несколько часов и понял, что на станции считают так же, как он. Борт стоял в графике через четырнадцать суток. Ян открыл график и стал искать, что можно сдвинуть.

В половине девятого он коснулся своей дуги, чтобы её активировать, и подумал о Флориде, о человеке на смене, с которым собирался связаться, и дежурный ответил ему в ухо. Ян говорил про себя, не раскрывая рта. Сеть превращала его мысли в звук, и на том конце слышали обычный голос Херманса, чуть ровнее живого. Так звонили все. Шестеро сидели в отделе по своим столам и говорили с Флоридой, с интеграцией, с диспетчером — в абсолютной тишине.

Первый звонок — на стартовый комплекс, во Флориду: носители консорциума летали оттуда. Лунный борт стоял в очереди за двумя марсианскими пусками, но очередь была ни при чём: его носитель ещё собирали в ангаре, и раньше

чем через одиннадцать суток к столу он не выйдет, хоть освободи стол сегодня. Минус сутки могут дать, если позволит ветер и если он пришлёт письмо, что консорциум принимает риск досрочного вывоза. Ян сказал, что пришлёт. Минус сутки делали из четырнадцати тринадцать.

Второй звонок — в отдел интеграции. Он спросил, можно ли снять часть марсианского груза и отдать носитель лунному. Ему ответили, что расстыковка полезной нагрузки — девять суток с повторной сертификацией, двое суток выигрыша. Но носитель отдадут насовсем: до августа их построено ровно столько, сколько пусков в связке для Эллады, лишнего нет, и груз без носителя полетит на Марс следующим окном, через двадцать шесть месяцев. Голос был доброжелательный, но Ян понимал, что просит у Эллады два года её воздуха.

Третий — региональному диспетчеру по Луне. Есть ли на Луне борт вне графика: прыжковый, суборбитальный, любой. Ответ: у «Мессье» один аппарат, топлива на один вылет в год, и его возят отдельно. Заявку на такой вылет подаёт не Роттердам, а сама база, которой нужен вылет, и решает «Мессье», потому что топливо считают они. Тихо уже подавала. Ответа пока нет.

Четвёртый запрос был вне его компетенции, и внешний отдел отправил его письменно: в советскую службу лунного снабжения. Ответ вернулся к обеду, в четыре строки. Советская лунная кампания снабжения также перенесена под ав-

густовское окно; ближайший рейс к «Полюсу» по их графику позже консорциумного; передача груза сторонней станции их регламентом не предусмотрена.

В час он попросил службу эксплуатации отправить на Тихо рекомендации по снижению расхода — то, что положено при аварии жизнеобеспечения. Ему ответили, что памятка ушла ещё утром, и прислали копию: остановить работы, ограничить перемещения, проверить герметичность отсеков, вести журнал расхода каждые шесть часов. Полторы страницы, составленные лет девять назад, без единого числа. Он прочёл и не нашёл в ней ничего, чего не знал бы инженер на станции, и ничего не добавил.

Ян вывел четыре ответа столбиком на панель и посмотрел на него.

К Ренару он пошёл в половине второго с планом. План был такой: лунный борт через четырнадцать суток идёт по маршруту с посадками у трёх баз; если убрать две посадки и вести его к Тихо напрямую, а потом добавить сброс для «Гримальди» и «Кларка» следующим бортом, — выигрывается двое суток на манёврах и разгрузке. Тринадцать минус два — одиннадцать. Не десять. Но одиннадцать при десяти — это уже разговор о часах, а часы найдутся. Кабинет Ренара был угловой, с окнами на канал и на улицу, и в нём не было ничего, кроме стола, двух стульев и стены с графиком на весь рост, где лунные рейсы шли синим, марсианские — красным, и красных в этом году было больше. Ренар выслу-

шал, не перебивая, стоя у графика спиной к окну.

— Управление ведёт график, — сказал он. — Спасением занимаются службы. Вы пришли ко мне не с графиком.

— На всю Луну нет ни одного борта вне графика. Я сегодня спросил всех. — Ян перебросил столбик на панель Ренара. — Значит, график и есть спасение. Другого нет.

Ренар не стал спорить. Он открыл на своей панели таблицу — ту самую, с тридцатью тремя строками, которую Ян считал в январе, — и развернул к нему четыре строки, подсвеченные жёлтым. «Гримальди», двадцать шесть человек, резерв — четыре с половиной недели при переносе на пять. «Кларк», тридцать один, четыре недели и три дня. Ещё две.

— Это те, у кого вы снимете посадку. У них контуры пока держат. Пока. Я вам сам в январе сказал, что фактического ресурса никто не мерил. Если у «Кларка» на следующей неделе сядет тот же вентилятор, что у Тихо, а их груз я по вашему плану отдал другим бортом — через сколько он к ним придёт?

Ян знал, через сколько. Он посчитал это и отложил, потому что цифра мешала плану.

— Через три недели, — сказал он.

— Через три недели. — Ренар свернул таблицу. — У меня тридцать три базы и один борт в две недели. Я не могу поставить его к тому, у кого уже случилось, сняв с тех, у кого ещё нет. Не потому что жалко. Потому что тогда через неделю мы будем сидеть здесь же с другой фамилией в сводке.

Ян молчал.

— Минус сутки от стартового берём, — сказал Ренар. — Письмо о риске я подпишу сам. Всё остальное, что у них есть, — это соседи по соглашению сорок третьего года, и они это знают лучше нас. Напишите им так.

Пятый звонок Ян сделал в три, уже без всякого плана, — в земное представительство Эллады: это их груз стоял на позиции и их окно держало очередь. Ответила женщина, по голосу немолодая. Он назвалсся и спросил, знают ли они о Тихо.

— С утра, — сказала она. — Сколько у них?

— Десять суток. Борт через четырнадцать.

Она помолчала. На том конце кто-то прошёл по комнате и закрыл дверь.

— Я скажу, что у нас на позиции, чтобы вы не спрашивали. Мембраны на два года и азот. Снимете груз — мы полетим следующим окном, через два года, и эти два года поселение дышит тем, что есть. Это не к тому, что нельзя. Это к тому, что тогда сутки начнём считать и мы. — Она подождала, не ответит ли он, и добавила: — Решайте. Оспаривать не станем.

Он оборвал связь, не попрощавшись. Такого с ним не случилось за одиннадцать лет работы, и он заметил это только через несколько секунд, когда в ухе уже было тихо. Ответ на Тихо он написал в четыре и отдал Ренару на подпись. Борт в назначенный срок, с возможным сокращением на сутки при благоприятных условиях старта; внеочередной рейс невоз-

можен по отсутствию средств вывода; рекомендуем незамедлительно запросить содействие соседних баз в порядке Соглашения о взаимопомощи. Ренар подписал, не читая, потому что читал этот текст уже дважды в жизни.

В пять Ян открыл свою сетку, ту, январскую, и вписал в строку Тихо новое число: десять. Сетка пересчиталась, и напротив Тихо загорелся красный, первый красный в таблице за все годы, что он её вёл. Он посмотрел на него и не стал закрывать файл до конца дня.

Луну Матиас знал по воздуху: кто чем дышит и сколько у кого в запасе. Станций было тридцать три. Ближе всех к Тихо, в сорока километрах, стоял «Полюс». Дальше — пустота на восемьсот километров, потом европейская и индийская. Больше всего станций было на полюсе, в тысяче четырёхстах километрах от Тихо: там был лёд, из него делали воду и кислород, это было дешевле, чем возить с Земли. Китайцы плавили железо из реголита и ставили третью площадку. Индийцы лили крепь, и эта крепь стояла в том числе здесь, в третьем куполе. Европейцы держали мембранную лабораторию, с которой на Тихо шли фильтры. Частная фирма хранила замороженных с Земли в вечной тени. На обратной стороне, куда с Земли не доходит ни один передатчик, восемь станций раскатывали проволоку по реголиту и слушали небо на частотах, на которых дома не слышно ничего. Американцы обкатывали на полигоне за Фра Мауро скафандры и роверы; в шлюзе Тихо, как и на всей этой стороне Луны, кроме «Полюса», висели американские скафандры. Ещё были частные станции: они возили, чинили, тянули связь, держали единственный борт и привечали редких туристов. Тихо бурила центральный пик — ударный расплав, по которому весь мир датировал лунную поверхность, — и оператор продавал места в куполах тем университетам, кому этот расплав был ну-

жен.

Сколько станций, столько дел и хозяев, и воздух у каждого свой.

Всем соседям Ханна отправила запрос в тот же вечер; Роттердам на следующий день посоветовал то же самое. Запросы она писала одинаково, и Матиас проверял в каждом только цифры. Отказ второго контура, невозстановимый. Сорок человек. Запас десять суток. До борта четырнадцать. Просим сообщить, можете ли принять людей и сколько, либо передать расходники и какие, либо предоставить транспорт. Подпись. Двадцать один адрес — все, до кого хоть чем-то можно было добраться, — и «Полюс» первым, потому что ровер Тихо имел запас хода на двести сорок километров: доехать и вернуться можно было только до «Полюса».

Ответы шли ночь и весь следующий день, и Ханна читала их в столовой вслух по мере прихода, потому что решила так с самого начала: люди читают то же, что она, и в то же время. Столовая была единственным местом на станции, где помещались все сорок: три стола, сдвинутых в один, скамьи по обе стороны, раздача с бачком и плитой, а над раздачей — карта Луны на всю переборку, с тридцатью тремя точками, из которых свою обвели маркером ещё первые, шесть лет назад, и маркер выцвел до жёлтого. Ханна читала, стоя под картой, и когда называла базу, кто-нибудь поднимал глаза на точку.

«Малаперт». Резерв базы рассчитан на пятьдесят во-

семь человек экипажа плюс две недели. Принять можем четверых при собственной доставке. Расходники передать не можем: следующий борт к нам через пять недель. Держим канал.

Китайская южная, первая площадка. Кислород в баллонах — двести килограммов, готовы передать при наличии борта. Борта не имеем. Приём людей регламентом не предусмотрен.

Европейская. Соглашение сорок третьего года, статья третья. Можем передать сорок патронов поглотителя, если доставите. Своего транспорта нет. Сочувствуем.

Индийская. Шлюз рассчитан на два человека в цикл, цикл двадцать минут. Приём сорока человек занял бы у нас почти семь часов при открытых переборках, что превышает допуск по нашему резерву. Можем принять четверых.

«Кларк». Резерв четыре недели при штатной регенерации, следующий борт через четыре недели и три дня. Можем принять четверых. Транспорта нет.

«Гримальди». Нет. Прочтите статью третью.

Ответ «Гримальди» был самый короткий, и Ханна прочла его тем же голосом, что остальные. Барбоза спросил, что за люди такие. Ханна сказала: люди, которые эту статью писали.

Это знали не все, и она объяснила — один раз, в столовой, при всех, потому что за столами сидели и те, кто здесь первый год. Соглашение о взаимопомощи писали в сорок третьем, когда на Луне стояло двенадцать баз и не погиб ещё

никто. Писали юристы и страховщики, и третью статью предложил актуарий из Цюриха, у которого не было ни одного покойника, а была таблица. В таблице выходило вот что: база, принявшая чужих сверх расчёта, сама становится аварийной, и тогда помощи ждут уже две станции, а помощи на Лу-не нет ни для одной. Двенадцать спасённых сегодня — сорок два мёртвых через месяц. Люди в этой таблице были придуманные, а арифметика настоящая, и двенадцать операторов подписали за одно заседание, потому что возразить было нечего. В отрасли её звали правилом двух станций.

Она подняла глаза от панели:

— За девять лет её ни разу не пришлось применить. Мы первые.

Ханна открыла текст на панели и прочла вслух, единственный раз, дословно:

Статья третья. Помощь терпящим бедствие оказывается передачей ресурсов, а не приёмом людей. База, принявшая людей сверх расчётной численности без подтверждённого пополнения, считается аварийной с момента приёма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.